

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XII

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 2



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

И. М. Оранский

К ЭТНОГРАФИИ ИНДОЯЗЫЧНОЙ ГРУППЫ ПАРЬЯ

(Гиссарская долина)

В предварительных сообщениях об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте группы парья и в публикации фольклорных текстов на этом диалекте [19, 144 и сл.; 13] уже приводились некоторые сведения общего характера об этой небольшой этнографической группе. В настоящее время представляется возможным пополнить эти сведения новыми материалами, собранными во время поездки (1964 г.) в районы расселения этой группы.

В пределах Средней Азии сѣмьи группы парья встречаются на всем протяжении Гиссарской долины, а также в районах по верхнему течению Сурхан-Дарьи — от пригородов Душанбе на северо-востоке и до района Сары-Асия — Денау (Узбекская ССР) на юго-западе. Большая часть парья сосредоточена в пределах нынешнего Гиссарского района (включая бывший Шахринауский) Таджикской ССР. Далее к юго-западу количество парья постепенно уменьшается и за пределами района Сары-Асия — Денау они встречаются, по-видимому, лишь отдельными семьями. Парья живут небольшими группами (обычно от 3—4 до 15—20 семейств, связанных друг с другом более или менее близким родством и свойством), разбросанными по всей этой обширной территории и малозаметными среди окружающего таджикского и узбекского населения. Районов с компактным населением парья на указанной территории не имеется. В таджикских и узбекских кишлаках сѣмьи парья селятся, как правило, рядом, образуя иногда более или менее обособленные кварталы, как, например, кишлачок Афгоно, примыкающий к селению Лангари Боло (кишлачный совет Ханака Гиссарского района), и др. По моим подсчетам и по расспросным сведениям, в пределах указанной территории имеется до 200—250 хозяйств парья, и, таким образом, численность этой группы в Средней Азии составляет примерно 1000 человек. В настоящее время большинство представителей этой группы вместе с основным населением указанных районов работает в хлопководческих колхозах. Насколько я могу судить, по своим обычаям, одежде, пище, типу жилища, бытовому укладу, религиозным верованиям (мусульмане суннитского толка) парья не отличаются сколько-нибудь заметно от окружающего населения. Дети обучаются в таджикских и узбекских школах.

Группа парья полностью двуязычна (родной индоарийский диалект и таджикский язык в одной из диалектных его разновидностей). В семье, в домашнем обиходе, в кругу соплеменников основным средством общения служит родной диалект. Несмотря на малочисленность

группы парья, полное ее двуязычие и таджикско-узбекское окружение, в семье этот диалект очень устойчив. Прожив некоторое время в различных семьях этой группы, могу утверждать, что самые младшие, едва начавшие говорить дети объясняются исключительно на родном диалекте и лишь впоследствии овладевают таджикским или узбекским языком (иногда и тем и другим одновременно). Даже в смешанных семьях (муж — парья, жена — таджичка) дети благодаря тесному общению с родственниками отца владеют, как правило, диалектом группы парья. Встречаются семьи, в которых таджички (в одном случае узбечка), оказавшись замужем за представителями этой группы, начинают спустя некоторое время разговаривать на диалекте парья.

За пределами семьи и тесного круга соплеменников языком повседневного обихода служит таджикский, которым свободно владеют все члены группы парья, включая женщин. Многие мужчины (особенно в районах и колхозах с преобладающим узбекским населением) говорят также по-узбекски. Учащаяся молодежь объясняется более или менее свободно и по-русски.

Письменности на родном диалекте, разумеется, не существует, и представления парья о своем прошлом не простираются далее памяти об одном-двух поколениях, предшествующих старшему из ныне живущих. Согласно этим представлениям, основным занятием группы парья в прошлом было земледелие (*kištukór*), в частности табаководство (*tamokukorí*) и огородничество. Из зерновых культур сеяли пшеницу (*gan-dúm*), рис (*šáli*), на бахчах и огородах выращивали лук (*piyóz*), баклажаны (*bengá*). Скот держали, однако скотоводство не являлось для них, видимо, ведущей отраслью хозяйства. Ремесленным производством парья никогда не занимались.

В Среднюю Азию парья переселились из Афганистана. О времени их переселения трудно сказать что-либо определенное. По-видимому, отдельные подразделения, а может быть, и отдельные семьи этой группы приходили сюда неодновременно. В отношении некоторых семейств можно с уверенностью утверждать, что уже деды нынешнего среднего и даже старшего поколения жили на территории Средней Азии; другие семьи пришли, вероятно, позже. Нередко семьи меняли свое местожительство, переезжая с места на место как в пределах Средней Азии, так и в Афганистане.

Своей родиной парья считают местность Лагман (*Laḡmon*)¹, расположенную между Кабулом и Джелалабадом². По словам стариков парья, в Лагмане живут многие семьи их соплеменников, в частности семьи подразделения калу³; там же, в Лагмане, отчасти также в районах Кабула, Ханабада, Таликана обитают или обитали и другие подразделения этой группы.

¹ По административному делению Афганистана на конец 1952 г. долина Лагман входила в Лагманский округ, составляющий западную часть Восточной (Джелалабадской) провинции. Центром этого округа является селение Тиргери (у различных авторов и по различным картам также Тигри, Тигир, Тагир и т. д.), расположенное при слиянии рек Алингар и Алишенг. См. карту административного деления Афганистана, помещенную в ежегоднике «Кабул» за 1952/1953 г. и воспроизведенную М. Г. Пичулиным [20 (вклейка между стр. 66 и 68)], [20, 65, табл. 2] и [21, стр. 110]. Обычно под Лагманом понимают область, расположенную в среднем и нижнем течении Алишанга и Алингара, однако и в источниках и в записках различных путешественников под этим термином понимается нередко и часть долины Кабула, начиная от «устья Лагманской долины» и до самого Джелалабада, включая его округ, а также соседние долины. См. также: [10, 70, 103—105].

² Впрочем, отдельные представители этой группы утверждали, что их отцы были выходцами из районов Балха и Таликана.

³ О подразделениях группы парья см. ниже, стр. 228.

Представители старшего, отчасти также среднего поколения, знают (в основном понаслышке) и о других городах и населенных пунктах Афганистана (Джелалабад, Таликан, Ханабад, Балх, Мазари-Шариф, Андхой, Гульбахар, Булягайн) ⁴, о реках Кабул, Гурбанд, Хажданахар ⁵, Гильменд ⁶, об афганских (паштунских) племенах гильзай (haljai), сафи, дуррани (durranai).

Еще более смутными и отдаленными являются индийские реминисценции: сохранились в памяти названия Пешавер, Мультан, в какой-то мере осознается (хотя и далеко не всеми), что их предки были как-то связаны с Индией и что с Индией связан их родной диалект.

Наиболее существенным фактом является здесь твердое представление парья о том, что их отцы и деды считали себя мюридами шейха Шамси Табризи (Хазрати Шамс) ⁷, имя и легендарные деяния которого связываются с территорией Индии. Там же находится, по словам моих дикторов, его могила. С Индией и с шейхом Шамси Табризи связывают нашу группу и другие выходцы из Афганистана, в частности представители группы кавол (шех-момади) ⁸. Восьмидесятилетний Бозор-бой, выходец из Рустака (Северный Афганистан), отмечал, что представители нашей группы иногда называли себя по имени своего пира — Табризи ⁹. Широко известна в этой среде легенда о том, как по просьбе Шамси Табризи солнце спустилось с неба, чтобы изжарить ему мяса. В таджикском тексте этой легенды, записанном в одном из селений группы кавол (шех-момади) ¹⁰, по отношению к группе парья дважды употреблен термин «хиндустанцы» (hindustoniyo). Не может быть никакого сомнения в том, что этот текст представляет один из вариантов легенды о шейхе Шамси Табризи, деятельность которого связывается в литературе с Мультаном ¹¹.

Приходилось слышать и о другом — уже не столь легендарном — пире, который жил где-то в окрестностях Регара, видимо еще на памяти нынешнего поколения, и которому парья приносили свою лепту ¹². Рассказывают легенду о том, как, будучи еще ребенком, этот пир просил отца взять его с собой на коллодранье (buzkaši), но отец не взял его. Тогда он оседлал дувал и поскакал на нем вслед за отцом.

⁴ В 1926 г. М. С. Андреевым был записан в сел. Булягайн и еще в нескольких селениях к востоку от Гульбахара диалект «особой филологической группы», образцы которого покойный ученый собирался впоследствии опубликовать: [2, 3 прим.]. Однако записи эти опубликованы не были, и, по сообщению вдовы покойного — А. К. Писарчик, обнаружить их в архиве М. С. Андреева не удалось. Вероятнее всего, М. С. Андреев встретился с распространенными в этом районе говорами пашаи. См. теперь: [40, 1, 6, 16 и др.].

⁵ haždanahar букв. «18 каналов». По словам моих дикторов, находится где-то в районе Балха.

⁶ Гильменд (Hilband) упоминается в одной из песен.

⁷ Šahi-xel uru-i Sams-i Tabrizi — «Шахи-хель — род Шамси Табризи» (полевые записи 1961 г., Гиссарский район). О термине «шахи-хель» см. ниже, стр. 228.

⁸ По словам шех-момади, šaix-i Tabriz rig-i čangarо — «Шейх Табризи — пир чангаров (парья)» (полевые записи 1961 г., Гиссарский район). Пир (тадж.) — духовный глава, духовный наставник. О термине «чангар» см. ниже, стр. 231. О группе кавол (шех-момади) см.: [17, 62 и сл. 16, 127 и сл.].

⁹ Полевые записи 1961 г., Гиссарский район.

¹⁰ Текст и перевод этой легенды см. [15].

¹¹ См. [42, 1, 546]. Там же дальнейшие указания на литературу.

Как сообщает В. А. Иванов, хранители гробницы Шамси Табризи в Мультане отождествляют его с духовным наставником Джалал-ад-Дина Руми. См. [36, 29 и сл.]. Там же (вкл. к стр. 49) фотография самой гробницы. Как явствует из списка работ В. А. Иванова, им посвящена этому мультанскому шейху специальная статья (автору осталась недоступной).

¹² Остается неясным, являлся ли регарский пир муршидом (духовным руководителем, наставником) только для парья или же и для других групп населения.

Как уже отмечалось, верующие парья исповедуют мусульманство суннитского толка. Большой известностью пользуется среди них г. Мазари-Шариф (Северный Афганистан), где находится гробница святого (avliyo), являвшаяся в прошлом местом их паломничества¹³. Гробницу эту часто называют mazog-i saxi, т. е. «щедрая, благодетельная, целительная гробница», так как поклонение ей способствует, по словам стариков парья, исцелению от различных болезней. Целебными свойствами обладает, по мнению верующих, также находящаяся около могилы земля, которую паломники, возвращаясь домой, брали с собой для своих близких. Мазари-Шариф часто упоминается также в фольклоре¹⁴.

Сказочный фольклор и анекдоты на диалекте парья представляют в основном сюжеты, известные по сказочному репертуару других народов Средней Азии¹⁵, и извлечь из этого фольклора какие-либо существенные сведения о прошлом группы парья пока не удастся. Отметим лишь, что в сказках упоминаются Индия (Hundustán) и индусы (hindú), отражаются какие-то воспоминания об обычаях индусов и об индомусульманских отношениях¹⁶. Привлекают к себе внимание сказка на сюжет «Царь Салтан» [13, текст № 1], а также сказка о «Падишахе Санавбаре и его неверной жене Гуль» [13, тексты, № III и XV], известная по письменным версиям на персидском, а также хиндустани и других индийских языках. Основное сюжетное ядро и основные действующие лица сказки «Патыхан и Карамай» [13, текст № XVIII] известны по соответствующей афганской сказке, переведенной на русский язык под названием «Фатех-хан Барецай»¹⁷. Эта сказка интересна, между прочим, своими вставными бейтами, исполняемыми рассказчиком под особую протяжную мелодию не на диалекте парья, а на афганском (пашто) языке. Сохранение этих бейтов указывает на то, что основной текст сказки является переложением с афганского (пашто) языка на язык парья — переложением, при котором стихотворные вставки¹⁸ сохранились на языке оригинала. Для других сказок, опубликованных в указанном сборнике фольклорных текстов (№ II, V, XIII), достаточно близких сюжетных вариантов обнаружить пока не удалось.

Стихов или песен на диалекте парья мне никогда не приходилось слышать, и по словам моих дикторов, песенного фольклора на родном диалекте у них вообще не существует. Как уже говорилось выше, даже вставные бейты, интерполируемые в сказку на языке парья, исполняются не на языке сказки, а на пашто. На пашто исполняются также лирические газели (ḡazal) и песни (git). Однако языка пашто представители группы парья не знают, и содержание этих заученных некогда наизусть бейтов и песен известно даже исполнителям лишь в самых об-

¹³ О Мазари-Шарифе как о религиозном центре Афганистана и месте паломничества сообщают многочисленные ученые и путешественники, писавшие об Афганистане. Из последних работ на русском языке см., например: [20, 231]. См. также новый путеводитель [10, 121—122]. Там же (в конце книги) фотография гробницы.

¹⁴ В одной из песен рассказывается о девушке, собирающейся на поклонение (ziyogat) в Мазари-Шариф с мольбой о том, чтобы ее выдали замуж за возлюбленного. Очень интересна песня о паломничестве в Мазари-Шариф и производящихся там обильных пожертвованиях скота на угощение народу (xudoúy). Записать ее, к сожалению, не удалось.

¹⁵ См., например: [13, тексты № IV, VIII, IX, XIV, XVI и др.]. То же относится и к анекдотам из широко распространенного цикла об Афанди (№ X—XII).

¹⁶ Ср., например, описание пира в одной из сказок [13, № XVII].

¹⁷ См. [3, 93 и сл.], тот же перевод в [25, 88 и сл.].

¹⁸ Такие вставные бейты, в которых герои афганских сказок изливают друг другу свои чувства, называются по-афгански pāga букв. 'крик, возглас, вопль' (из араб.-перс. نعره). Диктор, от которого была записана наша сказка, называл их fajra (тадж. лит. faɣuod 'крик, вопль').

щих чертах. Лирические газели и песни исполняются обычно под аккомпанемент двуструнного щипкового инструмента (dum(b)gá, тадж. лит. dumburá), на особые мелодии (mašx), не встречающиеся у местных жителей¹⁹.

Группа парья состоит из нескольких подразделений (qom, uгу), из которых в пределах обследованной территории встречаются следующие: калу (kalú, kaló), джитан (jítán, jitiyán), джуни (juní), магара (magará), бисиян (bisyán, bisyón), мусалли (muslí, musallí). Называлось также подразделение шуя (šuyá), однако ни с кем из представителей этого подразделения встретиться не удалось, и, по словам моих информаторов, после 30-х годов нашего века семейств шуя на территории Средней Азии вообще не осталось. Ядро этой группы составляют первые четыре из названных подразделений, объединяемые термином «шахи-хель» (šaǰ-xel, šahi-xel): mo čog bob šahi-xel — kalu, juní, jitaq, magara — «Мы шахи-хель — в четырех коленах (ветвях): калу, джуни, джитан, магара»²⁰. Наиболее многочисленным из этих подразделений является подразделение калу, встречающееся по всей Гиссарской долине. Реже встречаются семьи подразделений джуни, джитан и магара.

Несколько особняком стоит подразделение бисиян, представители которого селятся обычно вместе с группой кавол (шех-момади)²¹. Бисиян считают, что их предки пришли в Среднюю Азию из Лагмана и Таликана (Tolakón). Представители подразделения калу отмечали, что подразделение бисиян говорит на языке парья «не чисто». Действительно, оба представителя подразделения бисиян, с которыми приходилось работать, производили впечатление людей, нетвердо владеющих этим диалектом. Остается, однако, неясным, является ли это обстоятельство результатом постепенной утраты диалекта парья подразделением бисиян или же результатом того, что этот диалект не является для них родным и усвоен от других подразделений.

Одного из двух лиц, относимых другими парья к мусалли, приходилось встречать в пос. Ханака Гиссарского района²², однако оба они являются метисами (duragá)²³ и о своем подразделении не могли сказать ничего вразумительного. Представления самих парья об этом подразделении, как и о подразделении шуя, сбивчивы и противоречивы. Некоторые информаторы утверждали, например, что мусалли и шуя вообще не входят в группу парья и что представители этих подразделений научились якобы языку парья от подразделений, входящих в группу шахи-хель²⁴. Приходилось слышать также о том, что группа шуя — выходцы из Мультана и что они говорили на особом наречии, отличном от диалекта парья²⁵.

¹⁹ Сотрудники Института языка и литературы АН Таджикской ССР, хорошо знакомые с таджикским и узбекским музыкальным фольклором, прослушав магнитофонные записи этих песен, утверждали, что подобных мелодий они никогда не слышали.

²⁰ Полевые записи 1961 и 1964 гг. (Гиссарский и Регарский районы Таджикской ССР).

²¹ Так, например, в пос. Новабад (местное название Кара-Боло) Ленинского р-на семьи подразделения бисиян живут в самом тесном соседстве с группой кавол. Имеются указания на то, что представители подразделения бисиян (или, во всяком случае, некоторые из них) владеют секретным языком (арго) группы кавол (полевые записи 1961 г., Гиссарский и б. Шахринауский районы Таджикской ССР).

²² Отдельные семьи этого подразделения имеются также в Регарском районе Таджикской ССР и Денауском районе Узбекской ССР (расспросные сведения).

²³ Один из них, по имени Нур-Али, утверждал, что отец его происходит из Хан-абада (Северный Афганистан), мать — из Кангурта (б. Кулябская область Таджикской ССР). После смерти отца его мать вышла вторым браком за представителя группы парья, в семье которого Нур-Али и научился еще ребенком языку.

²⁴ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский район).

²⁵ В качестве примера указывалось, что шуя говорили asi 'иди сюда', jasi 'иди

Различия между отдельными подразделениями группы парья в настоящее время постепенно стираются, однако еще сравнительно недавно вопрос о принадлежности к тому или иному подразделению играл, по-видимому, немалую роль. Еще и сегодня сохраняются представления — впрочем, довольно сбивчивые — о более высоком происхождении одних подразделений и более низком — других. Так, например, при браке юноши из подразделений калу или джуни предпочтительным считается выбор невесты из этих же подразделений и, напротив, брак с девушками из подразделений магара или мусалли считается для калу или джуни как бы неравным. Тем не менее смешанные браки внутри различных подразделений группы парья — явление нередкое. Хотя некоторые информаторы и утверждали, что калу женятся только на девушках из подразделений калу или джуни, мне достоверно известны случаи женитьбы калу на девушках из подразделения мусалли. Известны также случаи, когда девушки из подразделения калу выдавались замуж в подразделение джуни, а из подразделения джуни — в подразделение калу. Подразделение бисиян в брачные отношения с калу (и, по-видимому, вообще с группой шахи-хель), как кажется, не вступает.

Что касается браков с представителями других народов и этнографических групп, то парья часто женятся на таджичках, в единичных случаях также на узбечках и девушках других национальностей, однако дочерей выдают замуж, как правило, только за представителей своей группы²⁶, что мотивируют «благородством» своего происхождения (us-tuxân-i mâ safed bukv. «кость наша чистая, белая»)²⁷. С так называемыми среднеазиатскими цыганами (jugi) и среднеазиатскими евреями (juhúd, jovút) парья в брачные отношения никогда не вступают.

Дети от смешанных браков называются таджикским термином *du-ragá*. В случае смерти старшего брата младший может жениться на его вдове, но в случае смерти младшего брата старший на вдове младшего жениться не может²⁸.

В качестве самоназвания представители изучаемой группы употребляют термин «парья»²⁹. Производным от него обозначается также родной для этой группы индоарийский диалект: *beta, tu urusí gal pa-kaq, tu paqyasazí gal kaq* — «Сынок, ты по-русски не говори, говори на языке парья».

туда, уходи' (в диалекте парья соотв. аја, Ја). В диалекте кабули (и почти повсеместно в Афганистане) слово «шуя» (šuyá) обозначает шиит (араб.-перс. شیعہ). См., например: [29, 15]. Не связано ли с этим словом и название указанного подразделения? Ср. указание на то, что потомки шейха Шамси Табризи в Мультане были мусульманами шиитского толка [42, I, 546].

²⁶ Исключение в этом отношении составляет как будто только группа «кавол» (шех-момади) — выходцы из Афганистана. Известно также несколько случаев, когда члены нашей группы выдавали своих дочерей за паштунов (kandahorí).

²⁷ Обычай выдавать дочерей замуж только за представителей своей группы известен и среди некоторых других групп населения Средней Азии (ходжи, сенды) и Афганистана, относящих себя по тем или иным причинам к «высшему сословию». См., например: [2, 13]. По любезному сообщению Н. А. Кислякова, такая тенденция вообще характерна для небольших этнографических групп Средней Азии.

²⁸ Ср. аналогичные представления у таджиков, во всяком случае в некоторых районах Средней Азии [27, 173].

²⁹ О термине «парья» как о названии низших каст Индии см. [34, 678].

Одним из наиболее характерных признаков диалекта парья (объединяющим его с диалектами Панджаба) является соответствие начального *r*- начальному *bh*- в хиндустани. В связи с этим фонетическим перебоем привлекают внимание названия земельных джатских кланов *Bhár, Bhárah* в Мультане, *Bhaḡuáq* в Амритсаре, название группы *Bhaḡáí*, разбросанной по Панджабу и Северо-Западной Пограничной Провинции, исповедующей мусульманство и включающей в себя представителей различных этнических групп и каст [42, II, 84—86, 90].

В качестве самоназваний могут употребляться также термин «шахи-хель» (толкуемый иногда как однозначный термину «парья») ³⁰, названия перечисленных выше подразделений и нисба лагмани (laḡmani).



Юноша из группы парья

Местное население всех этих терминов не знает и обычно называет представителей группы парья недифференцированным термином «афгоно» — «афганцы» ³¹, иногда также aḡḡonó-yi siyogúŋ (siyopúst) — «темнолицые (темнокожие) афганцы» ³², aḡḡonó-yi nosfuruš (nosfuruš) — «афганцы — продавцы наса» ³³. Парья и сами употребляют по отношению к себе термин «афгоно» в смысле « выходец из Афганистана », но, разумеется, отчетливо отделяют себя от паштоязычных афганцев (pašān, pašān, aḡḡonó-yi tozā, kandaḡori) и также отчетливо осознают различие между языком пашто (paḡtó, paḡto, paḡani) ³⁴ и своим индоарийским диалектом ³⁵.

³⁰ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский район).

³¹ Как уже приходилось отмечать (II, 243 и сл.), термин «афгон» (aḡḡon, мн. ч. aḡḡono) употребляется местным населением по отношению ко всем выходцам из Афганистана и ни в какой мере не может характеризовать этническую или языковую принадлежность тех или иных групп, обозначаемых этим термином. Такое недифференцированное употребление термина «афганец» перешло, к сожалению, и в литературу и в статистические материалы.

³² Местное население считает отличительным признаком описываемой группы темный цвет кожи.

³³ Нас (тадж. nos) — местная разновидность жевательного табака. Изготавливается из мелко истолченного табака, смешиваемого с золой, известью и пропитываемого растительным маслом. Изготовлением и продажей наса действительно занимаются многие парья, и местное население склонно рассматривать это занятие как специфическое их ремесло.

³⁴ Произношение paḡto, paḡto может свидетельствовать о том, что этот термин воспринят группой парья в области распространения восточноафганских диалектов, т. е. на территории б. Северо-Западной Пограничной Провинции Индии или в смежных районах Восточного Афганистана (Джелалабадская провинция и сопредельные области вплоть до Кабула). Для Западного и Южного Афганистана характерно произношение pašto. О знакомстве группы парья с восточноафганскими племенами может свидетельствовать и термин pašān, употребляемый обычно для обозначения афганцев б. Северо-Западной Пограничной Провинции Индии и смежных с ней районов.

³⁵ Последний по указанной выше причине также называется иногда «афганским» (láŋz-i aḡḡoni, zabón-i aḡḡoni).

Из других терминов, применяемых по отношению к группе парья, наиболее интересным представляется термин «чангар», повсеместно употребляемый шех-момади³⁶, представителями групп согутарош³⁷, джуги³⁸, а также отдельными выходцами из Афганистана³⁹ и Пешавера⁴⁰. Сами парья осознают слово «чангар» как термин, употребляемый шех-момади для обозначения группы парья, и склонны считать, что термины «чангар» и «парья» равнозначны⁴¹. По словам одного из дикторов (Гиссарский район), «мы сами называем себя парья (parýá), шех-момади называют нас чангар (čangar), а наш язык чангарí (čangarí)».

Термин «чангар» может указывать на связь изучаемой группы с панджабским племенем (или кастой), зафиксированной под этим названием в литературе. По сведениям Г. В. Лейтнера [38]⁴², одно из основных поселений чангаров находится в Лахоре, где они живут в хижинах компактной группой. Перечисляются также следующие районы, указанные самими чангарами как места их расселения: Лудхиана, Амритсар, Фирозпур, Джаландар, Пешавер и «перегон за Пешавером» («a stage beyond Pesháwar»). В Дели и Равальпинди чангары, по их словам, не встречаются, а о Синде они никогда не слыхали. Чангары Лахора утверждали, что они пришли сюда из Дарапа (Darap, район Сиалкота⁴³) и что их предки — выходцы из Кашмира и патанских гор. Термин «чангар» применяется по отношению к этой группе иноплеменниками и означает, по мнению Лейтнера, «провеивающий (зерно)» (от хинд. śhāpnā — «просеивать»), ибо члены этой группы занимаются провеиванием пшеницы⁴⁴. Существенно отметить, что среди 11 подразделений («castes», «sub-divisions») группы чангар, зафиксированных Лейтнером, пять совпадают по названиям с подразделениями группы парья: Kále, Māghare, Jiteyán, Basián Jenu (в группе парья соответственно kalú, magará, jitiyáñ, bisyáñ, jūñi). Г. В. Лейтнер подчеркивает, что описанные им чангары не занимаются кузнечным ремеслом, гаданием, воровством, не являются профессиональными музыкантами и что нет никаких оснований связывать их с бродячими племенами Индии⁴⁵.

³⁶ Полевые записи 1957 г. (Куляб), 1961 и 1964 гг. (Гиссарский р-н).

³⁷ Полевые записи 1959 г. (пос. Ханака Гиссарского района). О группе согутарош см.: [16, 128].

³⁸ Полевые записи 1959 г. (Гиссарский и б. Кокташский районы Таджикской ССР). О гиссарских джуги см.: [18, 62 и сл.].

³⁹ Полевые записи 1958 г. (пос. Ханака Гиссарского р-на) и 1961 г. (кишлак Туда Гиссарского р-на).

⁴⁰ Полевые записи 1959 г. (Горная Ханака, Гиссарский р-н).

⁴¹ Полевые записи 1956, 1961, 1964 гг. (Гиссарский район), 1958 г. (Регарский район).

⁴² Другая работа этого же автора [37] остается для меня недоступной.

⁴³ Группа батраков или лоденщиков (labourers) под названием «чангар» (Changar) (6000 человек) действительно засвидетельствована среди других низших (menial) каст в районе Сиалкота [35, 326—330].

⁴⁴ О чангарах, отличающихся темным цветом кожи и занимающихся в Лагмане провеиванием зерна, говорил В. В. Кушеву во время его пребывания в Афганистане также один афганец из Тигри (любезно сообщено В. В. Кушевым).

⁴⁵ Не исключено, однако, что в Индии имелись (имеются, возможно, и по сей день) другие, в том числе и бродячие, племена, по отношению к которым иноплеменниками также употреблялся термин «чангар». Так, например, упоминаемые Трумпфом (E. Trumpp) чангары, бродящие вдоль рек Пенджаба, занимающиеся рыболовством и говорящие на синдхи, не имеют, по-видимому, ничего общего с чангарами, описанными Лейтнером, и не признаются последними соплеменниками. Н. А. Дворянков, собравший по моей просьбе во время своего пребывания в Афганистане сведения об употреблении некоторых этнических терминов, сообщает (письмо из Кабула от 28.I.1963), что в районе Джелалабада и Лагмана встречается этнографическая группа, называемая паштунами čangar или čangarí (мн. ч. čangaríyan) и отличающаяся смуглым цветом кожи и бродячим образом жизни. Свой язык паштуны называют inkó или hindukó (т. е. тем же термином, которым в Афганистане обозначается язык джатов, гуджаров, иногда также хиндустани).

Другим фактом, свидетельствующим о связи изучаемой группы с чангарами Панджаба, является упоминавшееся уже (см. выше, стр. 226) представление парья о том, что их предки были мюридами шейха Шамси Табризи. С другой стороны, имеются указания на то, что чангары Панджаба были, по их словам, обращены в мусульманство Шамсом Табризи из Мультана. «Словарь племен и каст Панджаба и Северо-Западной Пограничной Провинции» сообщает: «Changgar, fem. -í, -iáni, -ní (Chhangar in Multáni) — парии («outcasts»), вероятно, местного происхождения. Многочисленны в Гуджарате (Gujarát), Амритсаре, Лахоре, Фирозпуре и Фаридкоте, но особенно в Сиялкоте. Они говорят, что их предки пришли из гор Джамму (Jammu hills). Первоначально были бродячим племенем, которое блуждает в поисках работы, но в окрестностях больших городов они оседают колониями. Они исполняют любую работу, однако обычно используются в сельском хозяйстве, особенно как жнецы. Женщины нанимаются обычно для очистки зерна... Все они мусульмане... и, по их словам, были обращены Шамсом Табризи из Мультана... Они чрезвычайно трудолюбивы и совершенно непричастны к преступлениям. Имеют собственный диалект...» [42, II, 153]. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется, по существу, никаких сведений о диалекте панджабских чангаров, которые позволили бы сопоставить его с диалектом среднеазиатских парья⁴⁶. Тем не менее приведенные выше соображения дают, по-видимому, известные основания для предположения о том, что обнаруженная в Средней Азии группа парья является одним из ответвлений группы чангар, зафиксированной индийскими переписями конца прошлого и начала нынешнего века в различных районах Северо-Западной Индии.

Некоторые из терминов, обозначающих отдельные подразделения группы парья, нередко встречаются в перечнях наименований племен и каст Индии. Так, например, земледельческий «джатский клан» (a Ját clan) Kallú отмечен переписями конца прошлого века в Амритсаре, Монтгомери и Шахпуре. Такой же клан под названием Kalo отмечен в Амритсаре и Мультане, под названием Kals — в Шахпуре и Монтгомери. При этом указывается, что кланы Kallú и Kals в Монтгомери были мусульманскими [42, II, 441]⁴⁷. Один из лучших в прошлом веке знатоков этнографии Афганистана, Белью, неоднократно упоминает родовые группы (sections) под названием Kalu в составе различных племен и племенных объединений Афганистана [31, 16—17, 24—25, 45, 79, 92, 114—116, 117—119 и др.]⁴⁸. Генетически термин kalu восходит, по-видимому, к др.-инд. kāla- 'черный'⁴⁹.

В связи с названиями подразделений группы парья джунги, магара, джитан упомянем, что земледельческий «джатский мусульманский клан» Junhí отмечен в Монтгомери [42, II, 416] и такие же кланы Mahárá, Máhaga и Jhoṭan — в Мультане [42, II, 46; II, 387, 416]⁵⁰.

⁴⁶ Лексические материалы и фразы на диалекте чангари (Changari, Tshangari), приведенные в указанной работе Лейтнера, представляются собранием слов и фраз на одном из искусственных языков (арго) Индии и не могут служить этой цели. См. [13, 182 и сл.].

⁴⁷ Там же упоминается еще несколько племен и кланов (Kálgú в Мультане и др.), названия которых включают в себя элемент kal² и могут быть вариантами того же этнического термина.

⁴⁸ Вопрос о том, имеют ли эти группы какое-либо прямое отношение к подразделению калу в Гиссарской долине, остается пока открытым.

⁴⁹ Ср. kalo 'черный, темный' в диалекте парья. Ср. также в диалектах европейских цыган, где слово kalo имеет два значения: 1) черный, 2) цыган. См. [44].

⁵⁰ По расспросным сведениям В. В. Кушева, собранным им по моей просьбе в Афганистане, джитан — это племя в Индии, имеющее якобы особую одежду и особый язык; представители этого племени нанимаются обычно в качестве черноработчих (грузчиков на железной дороге и т. п.).

Употребление терминов «шахи-хель» и «мусалли» достаточно сбивчиво и неопределенно: в различных районах и различными группами населения эти термины употреблялись, по-видимому, по отношению к различным этническим группам. «Словарь племен и каст Панджаба и Северо-Западной Пограничной Провинции» сообщает: «Мусалли — мусульманин-чухра (the Muhammadan Chuhra) Западного Панджаба. Этот термин употребляется обычно к западу от Лахора как синоним к кутани, однако термин мусалли употребляется главным образом на северо-западе, а кутани — на юго-западе. Поскольку, однако, новообращенный чухра продолжает есть падаль и вывозить нечистоты, его называют чухра, и только когда он оставляет эти привычки, его начинают называть мусалли. В пограничных городах мусалли вывозит нечистоты, а на Пешаверской границе служит часто могильщиком или уборщиком и называется также шахи-хель (Shahikhel)» [42, III, 138]. И в другом месте: «Sháhikhel — уборщик („a sweeper“) или могильщик (называемый также musalli) в Пешавере. В Shah Nazara и вдоль берегов Инда — это цыган („a Gypsy“), который живет изготовлением циновок и корзинок из камыша и других плетеных изделий (wicker-work) [42, III, 399]⁵¹.

Большинство парья склонны отделять мусалли от своей группы и во всяком случае от подгруппы шахи-хель (см. выше). По их представлениям, как и по представлениям кавол (шех-момади) и других выходцев из Афганистана, мусалли считаются в Афганистане родом низкого происхождения (ugur-aš past), стоящим ниже чангаров (= парья). Другой информатор (потомок выходцев из Пешавера), напротив, настаивал на том, что «мусалли» — это общий термин, покрывающий все подразделения группы парья и равнозначный терминам «чашгарак» и «чангар»⁵².

По его мнению, мусалли — это не кто иные, как «индийские джуги», которых в Индии называют «чури» (čiri)⁵³ и которые выполняют там самую грязную работу по очистке улиц и вывозу нечистот. С принятием ислама значительная часть мусалли получила возможность изменить род занятий, наследственный для индийской неприкасаемой касты чухра, и перейти, в частности, к земледелию (обычно в качестве наемных работников).

О социальном положении и роде занятий этой группы в области распространения афганских племен можно судить по следующим стихам известного афганского поэта и племенного вождя Хушхал-хана Хаттака (XVII в.):

mā Xušhāl vāj, mā Χαṭāk vāj, mā Xāni vāj,
 čač pə lās vāj, masallī vāj, xo dzvāni vāj —
 «Пусть бы не был я Хушхалем, пусть бы не был я Хаттаком,

⁵¹ Следует, разумеется, иметь при этом в виду всю условность и неопределенность термина Gypsy, применяемого западными авторами для обозначения самых различных кочевых и бродячих племен Индии и сопредельных стран; см., например: [39, I и сл.].

⁵² Полевые записи 1958 г. (Горная Ханака). По расспросным сведениям, собранным в Афганистане Н. А. Дворянковым и В. В. Кушевым, термин «мусалли» отождествляется в Джелалабаде с термином «чангар», в других районах Афганистана — с термином «чачгарак», в долине Кунара их называют «шахель» (шахи-хель?); согласно информации, полученной Н. А. Дворянковым, эта группа говорит по-персидски (Джелалабад) или по-персидски и пашто и никакого особого языка не имеет.

⁵³ Ср. хинд. čuhṛā (چوہڑا) — каста метельщиков в Панджабе и Северо-Западной Индии [4, 837]. В диалекте кабули термин musali действительно засвидетельствован со значением «уборщик мусора, подметальщик, дворник». [9, 864].

пусть бы не был я ханом, пусть бы в руках у меня был чач⁵⁴, пусть бы был я мусалли, была бы только молодость»⁵⁵.

Упоминания о джатской касте мусалли, живущей в Западном Панджабе и говорящей на одном из южных диалектов группы лахнда, встречаются в литературе. По данным индийской переписи 1931 г., более 30% мусалли были заняты в сельском хозяйстве [7, 231].

Также сбивчиво и противоречиво употребление термина «чачгарак» (čačgarak, čašgarak), применяемого иногда по отношению к группе парья. В представлении коренного местного населения этот термин связывается с небольшими пришлыми этнографическими группами. Представители группы шех-момади применяют термин «чачгарак» по отношению к парья⁵⁶, в то время как последние применяют этот же термин по отношению к шех-момади, указывая при этом, что чачгарак — «слово обидное» (ta'na)⁵⁷. Сам термин «чачгарак» происходит, по-видимому, от слова «чач» — орудие для провеивания зерна (см. выше, прим.) — и обозначает в Афганистане наемных сельскохозяйственных рабочих⁵⁸ или, может быть, скорее изготовителей «чача»⁵⁹.

В арго гиссарских джуги по отношению к членам группы парья применяются термины kaltuk и lum. Первый из них восходит, вероятно, так же как и название подразделения kalo (см. выше), к др.-инд. kāla- 'черный, темный' (-tuk — характерный для арготической речи джуги деформирующий суффикс). Интереснее второй термин, восходящий к др.-инд. dōtba 'человек из низшей касты профессиональных певцов, из музыкантов' [43]⁶⁰.

Парья — не единственная индоязычная этнографическая группа, переселившаяся в Среднюю Азию через территорию Афганистана. Естественногеографические условия и историко-культурная общность между областями право- и левобережья Амударьи издревле способствовали интенсивному торговому и культурному обмену между этими областями, облегчали миграции тех или иных групп населения. В ходе таких миграций попадали через левобережье Амударьи в Среднюю Азию и различные небольшие этнографические группы, гонимые из соседних стран нуждой, притеснениями или какими-либо иными обстоятельствами. Одна из таких групп, известная под названием «балюджь» и говорившая на одном из индоарийских наречий, была отмечена в 70-е годы прошлого века в Фергане и Ташкенте русским естествоиспытателем А. И. Вилькинсом [5, 436—461]. По сведениям А. И. Вилькина, эмиграция небольших групп «балюджей»⁶¹ из бассейна Инда и Белуджистана

⁵⁴ Ч а ч — плетенная из камыша циновка, с помощью которой провеивают зерно (полевые записи 1961 г., Гиссарский р-н). Ср. в диалекте кабули čač (چچ) 'лоток для очистки зерна при обмолоте' [9, 262]; в шахристанском диалекте таджикского языка čoč — решето с круглыми отверстиями для провеивания зерна [22, 217].

⁵⁵ Любезно сообщено Н. А. Дворянковым (письмо из Кабула от 28.I.1963).

⁵⁶ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский и Ленинский р-ны). Любопытно, что термин «чачгарак» был употреблен также представителем подразделения бисиян по отношению к подразделению калу, в то время как он сам и его соседи — шех-момади — считают, что подразделение бисиян к группе чачгарак не относится.

⁵⁷ Полевые записи 1956 и 1961 гг. (Гиссарский р-н).

⁵⁸ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский р-н).

⁵⁹ По расспросным сведениям Н. А. Дворянкова, в Афганистане этот термин понимается именно так. При этом чачгарак называют также «мусалли». Ср. упоминание о «чаче» как об атрибуте мусалли в приведенных выше стихах Хушхалы.

⁶⁰ К этой же основе восходит готт 'муж, мужчина' в диалекте европейских цыган. С начальным l- это слово засвидетельствовано, как кажется, только в диалекте армянских цыган (боша) — lum.

⁶¹ По словам самих «балюджей», индийцы называли их «панираджд» [5, 440]. Нет ли здесь опечатки (панираджд вместо * пакираджд)? По сообщению одного из моих самаркандских корреспондентов, Х. Х. Назарова, природного самаркандского люли, ин-

в Среднюю Азию продолжалась еще в 70-е годы прошлого века и путь их неизбежно пролегал через территорию Афганистана.

А. И. Вилькинс приводит в указанной статье весьма интересные сведения по этнографии и антропологии этой группы, а также небольшой список слов под заглавием «Образцы слов Белуджи (племени Джат?)», которым и ограничиваются наши материалы по языку «балуджей». Априори можно было ожидать, что обе эти иноязычные группы Средней Азии и соответственно их языки окажутся близкородственными. Однако такое предположение не подтвердилось ни в этнографическом, ни в лингвистическом плане. В отличие от «балуджей» и большинства других небольших этнографических групп (шех-момади, чистони, джуги)⁶², переселявшихся в Среднюю Азию из Афганистана (или через территорию Афганистана), парья — исконные земледельцы.

Что касается языка, то при всей ограниченности материала по наречию «балуджей» сопоставление его с материалами по диалекту парья — второго по времени введения в научный обиход индийского диалекта из Средней Азии — позволило вскрыть довольно существенные лексические и историко-фонетические дифференции между двумя этими индоарийскими диалектами [12, 3—16].

Возможно, что выходцами из Индии были в конечном счете и некоторые другие небольшие этнографические группы, переселение которых из Афганистана в Гиссарскую долину и прилегающие районы отмечалось путешественниками и исследователями с последней трети XIX в. Одним из первых свидетельств подобного рода для Гиссарской долины следует, по-видимому, считать свидетельство Г. Бонвало, который во время своего путешествия по Средней Азии (80-е годы XIX в.) отметил наличие в Гиссаре небольшого (примерно 100 человек) поселения выходцев из Афганистана, которых местное население называло «кабули» или «мультиони». По словам Г. Бонвало, они пришли в эти места лет за двадцать пять до него (т. е. примерно в середине XIX в.) и в течение некоторого времени вели бродячий образ жизни, подобно цыганам, но потом осели в Гиссаре, прорыли ирригационный канал и занялись посевами риса и дынь. Гиссарские «кабули» возводили глинобитные постройки, но жили также и в шалашах из камыша. По внешности они напоминали афганцев, но местное население считало их цыганами (Gipsies) [32, 222—224].

Для несколько более позднего времени упоминания о наличии в Гиссарской долине и прилегающих районах небольших пришлых из Афганистана этнографических групп встречаются у С. Д. Масловского и М. С. Андреева. В своем докладе «Горные таджики (остатки первобытного населения Туркестана)» С. Д. Масловский на основе наблюдений, сделанных во время поездки по Восточной Бухаре, сообщил о кочующем племени «длинноголовых авганских люли» с негроидными признаками [24, 113]. В статье того же автора находим упоминание о «бродячем племени авганских цыган-люли», которых он наблюдал в Гиссарском бекстве и для которых характерны «кофейно-коричневая кожа, шапка курчавых жестких волос, низкий лоб, короткий, очень широкий нос, приплюснутый, с мясистыми ноздрями, толстые вывороченные гу-

тересующегося этнографией своей группы, в Самаркандской области, Бухаре и Шах-рисябзе и по сей день встречается до 150 семейств «индийских цыган» — покароч/покороч (письмо от 25.III.1965). Как сообщает Х. Х. Назаров, говор этой группы, занимавшейся в прошлом главным образом ювелирным ремеслом, заметно отличается от говора «местных цыган». Если предположение об опечатке подтвердится, то «панираджи» Вилькинса — прямые предки современных покароч (чередование *i/a* в предударном слове и *j/č* в исходе слова легкообъяснимо).

⁶² Об этих группах см.: [16, 127—129].

бы, оттопыренные уши», долихокефалия [8, 31—32]. Во время этнографической экспедиции 1921 г. в Самаркандскую область М. С. Андрееву также приходилось слышать об «аугонах-люли», показывающих дрессированных обезьян и медведей и говорящих «между собою каким-то особым языком, непонятным для посторонних». Однако этой экспедиции «не удалось,— по словам М. С. Андреева,— встретить никого из этого племени и выяснить, говорят ли они наречием языка пушту (афганского языка) или одним из цыганских наречий» [1, 126]⁶³.

К сожалению, полное отсутствие данных о языке этих групп не позволяет сделать каких-либо заключений об отношении их к группе парья.

Также скудны и отрывочны сведения об индийских языках и индоязычных группах на территории Афганистана. Наиболее полно описаны пащай [40] и некоторые другие дардские языки [сводку см. 28], однако эти языки и диалекты относятся к совершенно иной ветви индоарийских языков, чем диалект парья. Уже в первых работах, посвященных изучаемой группе (1956 г.), был сделан вывод о принадлежности диалекта парья к наречиям центральной (по классификации Грирсона) группы индоарийских языков⁶⁴. Новые данные, полученные в ходе обработки текстов и составления словаря, позволяют углубить этот вывод и уточнить вопрос о специфических чертах изучаемого диалекта и о месте, занимаемом им в кругу родственных ему индоарийских языков и диалектов. Многочисленные, перекрещивающиеся в разных направлениях изоглоссы связывают диалект парья с различными наречиями центральной и северо-западной части Индийского субконтинента. Сближаясь по тем или иным своим признакам — фонетическим и грамматическим — с соответствующими признаками диалектов западного хинди, панджаби, лахнда, раджастанских, гуджарати и других близко им родственных языков⁶⁵, диалект парья не совпадает в то же время ни с одним из них по комплексу этих признаков. Это дает основание видеть в говоре парья особый, относительно самостоятельный диалект центральной группы индоарийских языков⁶⁶, обладающий некоторыми своеобразными чертами, не представленными в данном комплексе другими индоарийскими диалектами⁶⁷.

Какие из индоязычных групп и индийских диалектов, зафиксированных на территории Афганистана, могли бы быть хотя бы гипотетически сближены с изучаемой группой и ее диалектом? Пащай и другие дардские языки относятся, как уже говорилось, к совершенно иной группе индоарийских языков. На территории Афганистана нередко упо-

⁶³ Термины «афганские люли» («ауганы-люли»), «индийские люли» («индустани-люли») прилагались местным населением и к «балуджам» А. И. Вилькинса (см. выше), среди занятий которых также отмечалась дрессировка обезьян и медведей [5, 440 и сл.]. По распространенным сведениям Н. А. Дворянкова, вождением обезьян занимаются в районе Джелалабада и Лагмана чангары (письмо от 28.I.1963), однако, как там же отмечает Н. А. Дворянков, термин «чангар» может употребляться в этих местах расширительно для обозначения различных неафганских племен.

⁶⁴ При этом следует, разумеется, иметь в виду относительность классификации Грирсона, как, впрочем, и всех последующих [6, 20 и сл.].

⁶⁵ Об отсутствии четких лингвистических границ между диалектами этих языков см.: [6, 22—23, 52, 54, 59 и др.].

⁶⁶ Ср. слова Г. Моргенштерне (в письме к автору от 8.IV.1964): «It is really most surprising, and of great interest, to find a comparatively recent offshoot of Indo-Aryan languages in the Hissar valley, and it would be very valuable to investigate if any traces of related dialects could be found among the Jats of Afghanistan, and other groups of similar type».

⁶⁷ Попытка дать сводку специфических черт говора парья, характеризующих его сравнительно с ближайше родственными ему индоарийскими языками и диалектами, сделана недавно автором этих строк [14, 21 и сл.].

минаются выходцы из Индии, говорящие на панджаби, лахнда, синдхи, однако обычно речь идет в этих случаях (как и в литературе о дореволюционной Средней Азии) об индийцах — торговцах и ростовщиках, живущих в городских центрах. Население, говорящее (наряду с персидским) на «[Х]индустани», издавна отмечается при описаниях восточной части Желалабадской долины [см., например: 23, 628, прим. 49], язык лахнда в Кохдамане (к северо-западу от Кабула) отмечен Г. Моргенштерне [41, 5] и некоторыми другими авторами [30, 56]⁶⁸. Об индийцах Восточного Афганистана, известных под названием «хинджи» (Hind-ki), занимающихся земледелием и принадлежащих «по расе» к джатам (Djat), сообщает «Энциклопедия ислама» [33, 155]. В этой связи обращают на себя внимание слова Г. Моргенштерне: «Говорят, что дома и джаты также имеют собственные языки» («Also the Doms and Jatts are said to possess languages of their own») [41, 6, прим.]. Последняя обзорная работа по Афганистану отмечает панджабский язык в районах Газны, Гардеза, Кохдамана и Желалабата [26, 70].

Как уже говорилось выше, наиболее правдоподобным представляется предположение о связи группы парья в Гиссарской долине с чангарами Панджаба, описанными Лейтнером. Однако окончательное решение вопроса о том, с какой или какими индоязычными группами непосредственно связана группа парья и ее диалект, может быть достигнуто лишь по получении достоверных материалов по языкам и этнографии индоязычных групп Северо-Западной Индии и Афганистана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандской области в 1921 г., — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», XVII, Ташкент, 1924.
2. Андреев М. С., По этнологии Афганистана, Долина Панджшир, Ташкент, 1927.
3. «Афганские сказки», пер. с афган.; М., 1955.
4. Бескровный В. М., Краснодембский В. Е., Урду-русский словарь, М., 1951.
5. Вилькинс А. И., Среднеазиатская богема, — «Антропологическая выставка 1879 г.», т. III, ч. I, вып. 4, М., 1882; «Известия имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском университете», т. XXXV, ч. I, вып. 4.
6. Зограф Г. А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала, М., 1960.
7. Кудрявцев М. К., Мусульманские касты, — «Касты в Индии», М., 1965.
8. Масловский С. Д., Гальча (первобытное население Туркестана), — «Русский антропологический журнал», 1901, № 2.
9. Миллер Б. В., Персидско-русский словарь, М., 1950.
10. Мухаммед Али, Афганистан, Новый путеводитель, М., 1957.
11. «Народы Азии и Африки», 1962, № 4.
12. Оранский И. М., Два индоарийских диалекта из Средней Азии, — «Индийская и иранская филология», М., 1964.
13. Оранский И. М., Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина), — «Материалы и исследования», вып. I, тексты (фольклор), М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Материалы делегации СССР).
14. Оранский И. М., Индоиранские диалекты Гиссарской долины (Индийский диалект парья, говоры и арготаджикоязычных этнографических групп). Материалы и исследования. Автореф. докт. дисс., Л., 1967.
15. Оранский И. М., Легенда о шейхе Шамси Табризи, — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967.
16. Оранский И. М., Научная командировка в долины Гиссара и Сурхан-Дарьи, — «Советская этнография», 1966, № 4.
17. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках Средней Азии [I]. Эт-

⁶⁸ При этом отмечается, что индоязычное население района Кохдамана является земледельческим (в отличие от городов Восточного Афганистана, где это главным образом торговцы, торговцы лечебными травами и банкиры).

- нографическая группа «кавол» в Кулябе и ее арго,— КСИНА, XL, Языкознание, М., 1961.
18. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии [II]. Материалы для изучения арго этнографической группы джуги (Гиссарская долина),— «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии (24—27 января 1962 г.)», ЛГУ, 1964.
 19. Оранский И. М., Предварительное сообщение об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте,— «Советское востоковедение», 1956, № 4.
 20. Пикулин М. Г., Афганистан, Ташкент, 1956.
 21. Поляк А. А., Физическая география Афганистана, М., 1953.
 22. Расторгуева В. С., Очерки по таджикской диалектологии, вып. 5, М., 1963.
 23. Риттер К., Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам... В. В. Григорьев, СПб., 1867.
 24. «Русский антропологический журнал», 1900, № 4.
 25. «Сказки и стихи Афганистана», пер. с афган., М., 1958.
 26. «Современный Афганистан», Справочник, М., 1960.
 27. Сухарева О. А., Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии,— «Советская этнография», сб. статей, III, М.—Л., 1940.
 28. Эдельман Д., Дардские языки, М., 1965.
 29. Abd-ul-Ghafûr Farhâdi, Le persan parlé en Afganistan, Paris, 1955.
 30. «Afghanistan», ed. by Donald N. Wilber, 1956.
 31. Bellew H. W., An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, London, 1891.
 32. Bonvalot G., Through the Heart of Asia, vol. I, London, 1889.
 33. The Encyclopaedia of Islam...», vol. I, Leyden — London, 1913.
 34. Hobson-Jobson, A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms... by col. Henry Yule and A. C. Burnell, London, 1903.
 35. The Imperial Gazetteer of India», vol. XXII, Oxford, 1908.
 36. Ivanow N., The Sect of Imam Shah in Gujrat,— «Journal of the Bombay Branch, Royal Asiatic Society», N. S., 1936, vol. 12.
 37. Leitner G. W., Appendix to Changars and linguistic fragments, Lahore, 1882.
 38. Leitner G. W., A Scetch of the Changars and of Their Dialect, Lahore, 1880.
 39. LSI, XI, Calcutta, 1922.
 40. Morgenstierne G., Indo-Iranian Frontier Languages, vol. III, The Pashai Language. 1. Grammar, Oslo, 1967; 2. Texts Oslo, 1944; 3. Vocabulary, Oslo, 1956.
 41. Morgenstierne G., Report of a Linguistic Mission to Afghanistan, Oslo, 1926.
 42. Rose H. A., Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province Based on the Census Report for the Punjab, 1883, ...and the Census Report for the Punjab, 1922, Lahore, vol. I, 1919, vol. II, 1911, vol. III, 1914.
 43. Turner R. L., A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages, London, 1966.
 44. Wolf S. A., Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw), Mannheim, 1960.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

И. М. Оранский

О ТЕРМИНЕ «МАЗАНГ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Одна из трудностей, с которой неизбежно сталкиваются исследователи небольших этнографических групп Средней Азии, — это многочисленность терминов, применяемых для обозначения этих групп, необыкновенный разноразличий в их употреблении. Одна и та же этнографическая группа может обозначаться различными слоями населения и в различных районах (а подчас и в одном районе) самыми различными терминами¹.

С другой стороны, один и тот же термин нередко применяется к самым различным по происхождению и языку этнографическим группам². Этот разноразличий находит свое отражение и в литературе, и в статистических материалах, сохраняясь порою на многие десятилетия.

Примером такой терминологической многозначности может служить и термин «мазанг». В русской и иностранной литературе 70—80-х годов прошлого века, в записках путешественников, ученых, краеведов и других лиц, интересовавшихся населением только что присоединенного к России Туркестанского края, термин «мазанг» встречается достаточно часто³. Обычно мазангов связывают при этом с другими небольшими этнографическими группами Средней Азии (люли, джуги) и объединяют под общим термином «среднеазиатские цыгане» [6; 28; 31; 33]. В числе других этнографических групп, объединяемых под недифференцированным термином «среднеазиатские цыгане», упоминаются мазанги и в более поздних работах, вплоть до настоящего времени [3, стр. 463—464; 5, стр. 208; 7, стр. 9; 13, стр. 597—609; 14, стр. 12; 25, стр. 13].

Действительно, в народном словоупотреблении термин «мазанг» может (во всяком случае в некоторых районах) отождествляться с тер-

¹ Так, например, по отношению к небольшой этнографической группе парья (Гиссарская долина) окружающим населением применяются следующие термины: «афгоно» (афганцы), «афгоно-и сиёруй (сиёпуст)» (темнолицые, темнокожие афганцы), «афгоно-и носфуруш» (афганцы — продавцы наса, местной разновидности жевательного табака), «чангар», «чашгарак (чачгарак)», «мусали», «хиндустоние» (хиндустанцы) и др. При этом ни один из указанных терминов не совпадает ни с самоназванием (самоназваниями) группы парья, ни с названиями отдельных ее подразделений [15, стр. 15].

² Под недифференцированным термином «афгон» в южной части Средней Азии понимается, например, не менее пяти совершенно разнородных групп населения — собственно афганцы (паштуны), хезарейцы (хазора), парья, кавол (шех-момади), чистони, возможно и некоторые другие группы, связываемые местным населением с происхождением из Афганистана [15, стр. 63—64; 17, стр. 243—245; 18, стр. 128, прим. 6].

³ К этому же времени относятся первые (и, кажется, единственные) антропологические измерения мазангов (Уйфальви, Вилькинс) [4, стр. 436, 461] и первая, по-видимому, фотографическая фиксация внешнего облика мужчин и женщин группы мазанг (А. Л. Кун) [9, стр. 98]. Фотографии «цыган из рода мазанг» были представлены также на Антропологической выставке 1879 г. в Москве [1, отд. IV, стр. 3].

минами, обозначающими другие группы, так называемых «среднеазиатских цыган» (джуги, люли). Так, например, мазанги (мазанчи) были отождествлены с люли и цыганами при переписи сельского населения Ферганской области 1917 г. [10, стр. 57]. В риштанском говоре таджикского языка (Южная Фергана) зафиксированы слова *мазэнг* и *лүли*, переведенные В. С. Расторгуевой в обоих случаях как «цыганка» [21, стр. 130, 131]⁴. Гиссарские парья также употребляют термин «мазанг» как название цыганообразной этнографической группы, известной среди местного населения под названиями «джуги» и «люли». И хотя эти последние названия известны парья, собственно их термином для обозначения указанной группы — и это подчеркивалось — является термин «мазанг»⁵.

С другой стороны, уже первые авторы, упоминая о мазангах, отмечали существенные отличия этой группы от других «среднеазиатских цыган»⁶. А. Д. Гребенкин [6, стр. 116], Л. Н. Соболев [23, стр. 310], А. И. Вилькина [4, стр. 436], Е. Шуйлер [33, I, стр. 111], Г. Ланделл [31, I, стр. 543—544] сообщают, что мазанги живут оседло (или переходят к оседлости) и занимаются земледелием. Особенно определены указания на устойчивую оседлость и земледельческие занятия мазангов б. Зерафшанского округа (сел. Дагбит и Халван) [6, стр. 116; 23, стр. 310; 31, I, стр. 543]. Сообщается также, что многие мазанги занимаются мелочной торговлей вразнос [4, стр. 436; 23, стр. 310], при этом некоторые авторы приписывают занятия торговлей только женщинам-мазанг [6, стр. 116; 33, I, стр. 111], другие же считают мелкую торговлю на базарах «исключительным занятием этого народа, как мужчин, так и женщин» [28, стр. 323—324]. А. И. Вилькинс [4, стр. 448—449] добавляет при этом, что мазанги называют себя «аттар»⁷ и что он никогда не встречал мазангов-ремесленников. Ланделл сообщает о том, что женщины группы мазанг занимаются также врачеванием [31, I, стр. 543—544]. По своей религиозной принадлежности мазанги — мусульмане [28, стр. 323—324; 31, I, стр. 543—544], родной язык их таджикский⁸, и они считали себя выходцами из Бухары [4, стр. 436; 6, стр. 116]⁹; при этом Гребенкин добавляет, что переселение их из Бухары в Зерафшанский округ произошло только «лет 25 тому назад» (т. е. около середины XIX в.).

А. И. Вилькинс сообщает, что в антропологическом отношении мазанги резко отличаются от люли и по физическому своему типу скорее похожи на таджиков [4, стр. 448—449]. Отличие мазангов б. Зерафшанского округа от «цыган» «как по лицеочертанию, так и по занятиям» отмечает и А. Д. Гребенкин [6, стр. 116]. На правильное телосложение

⁴ По любезному сообщению В. С. Расторгуевой (письмо от 7.X.1967), оба эти слова употребляются, по ее воспоминаниям, как синонимы; слово «мазэнг» было употреблено ее информатором по отношению к женщине, провиншей подаяние.

⁵ Полевые записи 1958—1959, 1961 и 1964 гг. (Гиссарский, б. Шахринауский и Регарский районы Таджикской ССР). По представлению моих информаторов-парья, слова «джуги, люли, мазанг» имеют один и тот же смысл («як гап»).

⁶ Нельзя не отдать должного научной осторожности А. И. Вилькинса, который еще в 70-е годы прошлого века воздерживался от применения термина «цыгане» по отношению к различным, не имевшим прочной оседлости группам Средней Азии, предпочитая более нейтральный (в духе своего времени, разумеется) термин «среднеазиатская богема» [4].

⁷ Тадж. «аттор» (продавец галантереи, парфюмерии, пряностей и прочих мелких товаров).

⁸ Ланделл отмечает, что мазанги говорят «по-персидски и по-тюркски» (Persian and Turkic), т. е. по-таджикски и по-узбекски (И. О.).

⁹ Авторам прошлого века приходилось сталкиваться также с утверждением, что мазанги — выходцы из Стамбула [28, стр. 323—324; 31, I, стр. 543—544].

мазангов и более светлый (по сравнению с европейскими цыганами) цвет кожи обращал внимание также Лансделл [31, I, стр. 543—544]. А. Д. Гребенкин, А. Хорошхин, А. И. Вилькинс, Г. Лансделл согласно отмечают, что женщины из группы мазанг лица не закрывают, отличаются красотой и правильным телосложением [4; 6, стр. 116; 31, I, стр. 543—544]¹⁰. Согласно отмечается также, что мазанги эндогамны и никогда не вступают в брачные отношения за пределами своей группы [6, стр. 116; 23, стр. 310].

Этим исчерпываются, пожалуй, сведения о мазангах в дореволюционной литературе, и еще в 20-е годы нашего века проф. И. И. Зарубин указывал, что «мелкие бродячие группы, известные в отдельности под наименованием люли, мазанг, джуги» и объединяемые под условным термином «цыгане среднеазиатские», мало исследованы [25, стр. 13] и что «более определенные сведения об этих подразделениях сообщить затруднительно» [7, стр. 9]¹¹. Отмечается только, что мазанги и джуги занимаются гаданием и нищенством и что язык их «таджикский или узбекский со словарными особенностями. Рел [игия] сунниты» [25, стр. 13].

Мазанги упомянуты в числе других цыганских групп в кратком справочнике «Народы СССР», изданном Институтом этнографии АН СССР (М.-Л., 1958, стр. 12), однако сообщенные здесь сведения о мазангах (как и о других «среднеазиатских цыганах») требуют исправления. Совершенно необоснованно, в частности, утверждение о том, что языком мазанг, джуги и люли является цыганский¹².

Новые сведения о мазангах появляются в литературе только в 60-е годы нашего века [13; 22]. А. Л. Троицкая и Г. П. Снесарев, собиравшие материалы по «среднеазиатским цыганам» в Узбекской ССР, сообщают, что «цыгане группы мазанг», разбросанные по всей Средней Азии, отличаются от других «цыган» антропологически, а также по характеру исконных занятий и по быту; с люли и джуги в брачные отношения не вступают и их сторонятся; мазанги (в отличие от люли и джуги) не занимались нищенством, а были деревообделочниками, изготовляли из ивы (тал) бубны, сита, решета, деревянную посуду; их называют также «тавактарош»¹³; женщины помогали мужчинам в работе и, как и мужчины, занимались мелочной торговлей. Отличались мазанги и по характеру жилища. Вместо обычного для джуги и люли чодыра (палатки) они строили шалаши — чайла [13, II, стр. 603].

Как видно, описание мазангов в этих последних работах резко отличается от всех предыдущих сведений об этой группе и совпадает во всем основном с описанием различных небольших этнографических групп Средней Азии, занимающихся деревообделочным мастерством и известных в различных районах под разными названиями — согутарош [18, стр. 128], косатарош, тавоқтарош, қошуктарош и т. п.¹⁴.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что в указанных работах 60-х годов под термином «мазанг» описана группа тавоқтарош (согута-

¹⁰ Хорошхин и Лансделл прибавляют к этому, что женщины-мазанг не пользуются хорошей репутацией.

¹¹ В другом месте И. И. Зарубин указывает на полное отсутствие записей по языку «цыган» Таджикистана [8].

¹² На этом основании мазанги, джуги и люли отнесены в указанном справочнике к индийской (по лингвистической классификации) группе, что, конечно, требует исправления: как уже отмечалось, родным языком всех этих групп является таджикский и, соответственно, все они должны быть отнесены по языковому признаку к иранской лингвистической группе, как это и было сделано И. И. Зарубиным [7, стр. 9].

¹³ Тадж. тавоқтарош — букв. «вытесывающий, изготавливающий блюда, тарелки».

¹⁴ Букв. «изготавливающие, вытесывающие сосуды, ящики (соғу), чашки (коса), блюда, тарелки (табақ), ложки (қошук)».

рош) и даже фотография, помещенная в томе «Народы Средней Азии» (II, 1963, стр. 601) с подписью «Цыган-мазанг у деревообделочного станка „халладжи“. Город Самарканд» изображает в действительности отнюдь не «цыгана-мазанга»¹⁵.

По любезному сообщению одного из моих самаркандских корреспондентов — Х. Х. Назарова¹⁶ (письма от 25.III 1965 г., 20.II 1966 г.), небольшие группы мазанг (обычно по 5—10 хозяйств) живут в районе Самарканда, Катта-курмана, Ленинабада, Нау, Дагбида и в других сельских местностях, обычно вблизи рынков. Эти мазанги действительно стоят особняком среди других небольших этнографических групп Средней Азии, объединяемых под термином «среднеазиатские цыгане». Они вели оседлую жизнь, не занимались ни нищенством и гаданием, ни ювелирным, ни деревообделочным промыслом; основным их занятием была мелкая торговля вразнос (текстиль, краски, парфюмерия, посуда), при этом товары закупались оптом, а женщины разносили эти товары по кишлакам, где продавали их или обменивали на продукты питания¹⁷. Многие семьи имели свои земельные участки, и большинство мужчин занималось сельскохозяйственным трудом, лишь отчасти принимая участие в торговле. По одежде, жилищу, внешнему облику мазанги отличаются от окружающего таджикского, узбекского и арабского населения, и это население (в том числе и люли) именует их мазанг-люли, мазанг-джуги. Однако сами мазанги резко отделяют себя от цыганоподобных групп Средней Азии (в том числе и от группы тавоктарош) и в брачные отношения с ними не вступают. Не вступают мазанги в брачные отношения и с окружающим таджикским и узбекским населением. Вопреки указанию о том, что люли, джуги и мазанг применяют в качестве самоназвания этноним «мугат» [13, II, стр. 597], мазанги этого самоназвания не употребляют, а именуют себя узбеками или арабами. В отличие от джуги и люли мазанги не знают также общего для этих групп потайного языка (арго)¹⁸.

Из изложенного ясно, что группа, обозначаемая термином «мазанг» в районе Самарканда и Зерафшанской долины, не может отождествляться с той группой гиссарских джуги, по отношению к которой парья (индоязычные выходцы из Афганистана) применяют этот же самый термин «мазанг». Но этого мало. Термином «мазанг» (мазангй, мазанглар) называют еще одно из десяти родовых подразделений среднеазиатских карлуков [29, стр. 30]¹⁹, за пределами Средней Азии племя мазанг (язык, к сожалению, не указан) упоминается среди белуджских племен Кермана [24, стр. 639], квартал дех-и мазанг имеется в Кабуле²⁰.

Любопытно, что гиссарские джуги, по отношению к которым парья применяют термин «мазанг», сами называют парья этим термином²¹.

¹⁵ На фотографии изображен деревообделочник (тавоктарош) по имени Мавлон-ака, проживавший в г. Самарканде по Гиждуванской улице в доме Х. Х. Назарова и умерший в начале 60-х годов. (Сообщено Х. Х. Назаровым; письмо от 20.II.1966 г.).

¹⁶ Х. Х. Назаров — преподаватель Самаркандского медицинского института, природный самаркандский люли, отличный знаток жизни и быта «среднеазиатских цыган», подготавливающий в настоящее время диссертацию об этой группе (группах) населения Средней Азии.

¹⁷ При этом отмечается, что торговлей занимались, как правило, только женщины немолодые; молодые закрывали лицо и вели домашнее хозяйство.

¹⁸ Об арго ферганских и ташкентских люли см. работы А. И. Вилькина [4] и А. Л. Троицкой [26, стр. 256—257], об арго гиссарских джуги — работы И. М. Оранского [16; 19].

¹⁹ Этим сообщением я обязан К. Шаниязову.

²⁰ Сообщено В. В. Кушевым.

²¹ Полевые записи 1958 г. (Орджоникидзеабадский район) и 1964 г. (Гиссарский и б. Шахринауский районы).

Последнее связано, как мне представляется, с таджикским диалектным словом «мазанг», употребляемым в значении «черный, темнокожий, темнолицый, с некрасивым, безобразным (бадшакл) лицом», также «черный и большой (здоровый)»²². (Действительно, окружающее население считает отличительным признаком группы парья темный цвет кожи²³). Возможно, что именно это значение диалектного таджикского слова (во многих местах уже забытое) лежит в основе термина «мазанг», применяемого в народном слсвоупотреблении (а опосредованны и в литературе) по отношению к самым различным этнографическим группам.

С другой стороны, учитывая звуковые чередования d/δ/1 (Бадахшан/Балахшан у Истахри и т. п.) и d/z {20} в определенной группе иранских диалектов, распространенных на территории Южного Таджикистана и Афганистана, весьма соблазнительно было бы сопоставить термин «мазанг» с тадж. (уст.) malang «отшельник», перс. mālāng «I. голый, опьяненный, босой, с непокрытой головой, пришедший в экстаз; II. бедняк» [12; 30], афг. malang «дервиш, нищенствующий факир, аскет, беспечный человек, влюбленный» [2], хинд. malaṅg «дервиш, крепкий, здоровый человек» [32]. Однако этот вопрос требует дополнительного лингвистического исследования.

* * *

Р. С. Как сообщает в своей только что вышедшей в свет статье Х. Х. Назаров, им обнаружена недавно в Наманганском районе Андижанской области довольно большая (ок. 500 человек) и компактно живущая группа мазанг. Эти мазанги применяют по отношению к себе тоже самоназвание, что и джуги (мугат, гурбат) и владеют общим для «среднеазиатских цыган» арг. Это обстоятельство, а также таджикский говор мазангов, их одежда, жилище и антропологические черты указывают, по мнению Х. Х. Назарова, на то, что группа мазанг представляет по происхождению одно из подразделений «среднеарабских цыган» — подразделение, давно уже пришедшее на территорию Средней Азии, издавна ведущее оседлый образ жизни и порвавшее связи с другими группами «среднеазиатских цыган» (см.: Х. Х. Назаров, Различные группы среднеазиатских цыган, — в кн.: «Материалы Республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и аспирантов, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», Самарканд, 1968, стр. 54—55).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропологическая выставка 1879 года, т. III, ч. II, М., 1879—1880 («Труды Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XXXV, ч. 2).
2. Асламов М. Г., Афгано-русский словарь (пушту). 50 000 слов, М., 1966.
3. Баранников А. П., Об изучении цыган СССР, — ИАН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, стр. 369—398 и 457—478.

²² Полевые записи 1958 г. (Гиссарский и Орджоникидзебадский районы Таджикской ССР, Узунский район Узбекской ССР). В таком же значении употребляла слово «мазанг» бывшая моя студентка и аспирантка М. Давлятова (уроженка сел. Огалик, неподалеку от Самарканда): одам-и сип-сиёхи-мазанг «очень черный, темный-претемный человек» (следует при этом иметь в виду, что население кишлака Огалик — во всяком случае, в значительной своей части — потомки переселенцев из Каратегина); такой же смысл вкладывал в это слово другой мой студент, Ш. Рашидов (уроженец Узунского района Узбекской ССР), добавляя при этом, что такой термин можно применить к эфиопам (хабаши). По указанию М. Махмудова, в гиссарском диалекте таджикского языка слово «мазанг» применяется по отношению к толстым и темнокожим людям (ба шахси фарбеҳи сиёҳ нисбат дода мешавад) [11, стр. 82].

²³ Ср. прим. 1.

4. Вилькинс А. И., Среднеазиатская богема, — «Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», М., 1880, т. XXXV, ч. I, стр. 434—461.
5. Владыкин В. Е., Цыгане, — «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 204—210.
6. Гребенкин А. Д., Мелкие народности Зерафшанского округа, — «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки», вып. 2, М., 1872, стр. 110—119.
7. Зарубин И. И., Список народностей Туркестанского края, Л., 1925.
8. Зарубин И. И., Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан, — ИАН СССР, VI серия, 1926, т. XX, стр. 1849—1852.
9. Лерх П. И., О Туркестанском фотографическом альбоме, — ИРГО, 1874, X, отд. 2, стр. 97—99.
10. Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., Ташкент, 1924.
11. Махмудов М., Баъзе намунаҳо из лексикаи шеваи тоҷикони Ҳисор, — ИАН ТаджССР, Отделение общественных наук, 1964, 2 (37), стр. 74—84.
12. Миллер Б. В., Персидско-русский словарь, М., 1950.
13. Народы Средней Азии и Казахстана, т. I—II, М., 1962—1963 (т. II, стр. 597—609. Среднеазиатские цыгане).
14. Народы СССР. Краткий справочник, М.—Л., 1958.
15. Оранский И. М., Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина). Материалы и исследования, вып. I. Тексты (фольклор), М., 1963.
16. Оранский И. М., Индоиранские диалекты Гиссарской долины. Материалы и исследования, Л., 1967 (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук).
17. Оранский И. М., Научная командировка в Гиссарскую долину, — НАА, 1962, № 4, стр. 243—245.
18. Оранский И. М., Научная командировка в долины Гиссара и Сурхан-Дарья, — СЭ, 1966, № 4, стр. 127—129.
19. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. II. Материалы для изучения арго этнографической группы джуги (Гиссарская долина), — в кн. «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии», Л., 1964.
20. Оранский И. М., О чередовании d/z в некоторых персидско-таджикских диалектах, — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май, 1968 г.», Л., 1968, стр. 118—119.
21. Расторгуева В. С., Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 5. Таджикско-русский диалектный словарь, М., 1963.
22. Снесарев Г. П., Среднеазиатские цыгане, — КСИЭ, 1960, XXXIV, стр. 24—29.
23. Соболев Л. Н., Географические и статистические сведения о Зерафшанском округе, — «Записки Русского географического Общества по Отделению статистики», СПб., 1874, IV.
24. Современный Иран. Справочник, М., 1957.
25. Список народностей Союза Советских Социалистических республик, составленный под редакцией И. И. Зарубина, Л., 1927.
26. Троицкая А. Л., Abdoltili — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии, — «Советское востоковедение», 1948, V.
27. Троицкая А. Л., Национальные меньшинства Средней Азии перед выборами и Верховный Совет СССР, — «Революция и национальности», 1937, № 12, стр. 60—66.
28. Хорошхин А., Народы Средней Азии, — в кн. «Материалы для статистики Туркестанского края», III, СПб., 1874.
29. Шаниязов К., Общинное землепользование в селении Каллык, — КСИЭ, 1960, XXXIV.
30. Junker H. F. J. und Alavi B., Persisch-deutsches Wörterbuch, Leipzig, 1965.
31. Lansdell H., Russian Central Asia, vol. I—II, London, 1885.
32. Platts J. T., A Dictionary of Urdū, Classical Hindi and English, Oxford, 1930.
33. Schuyler E., Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja, vol. I—II, London, 1876.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1973



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ОТДЕЛЕНИЕ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

О ТЕРМИНАХ "VILAYAT", "VILAYATI" В СРЕДНЕЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Анализ термина "вилайет" (ولايت) в хивинских документах XIX–XX вв. привел исследователей к бесспорному, на мой взгляд, выводу, что в ряде документов под этим термином (или производным от него прилагательным

ولايتلى) понималась категория населения, не имеющая племенных и родовых названий, т.е. "коренное", оседлое население Хивинского ханства¹.

Для специалистов в области социальной терминологии Средней Азии окажутся, возможно, небезытересными сведения о том, что производное от этого термина относительное прилагательное "вилояти" употребляется (во всяком случае, в некоторых районах Таджикской и Узбекской ССР) для обозначения определенных групп населения и поныне. Пишущему эти строки пришлось слышать термин "вилояти" применительно к определенным группам сельского населения Гиссарской долины (Таджикская ССР) еще в 50-е годы. Сведения об употреблении этого термина для обозначения некоторых групп населения Таджикской и Узбекской ССР имеются также в диалектологической и этнографической литературе. Едва ли не первое известное мне в литературе по Таджикистану упоминание термина "вилояти" в указанном значении принадлежит В.С.Соколовой и В.С.Расторгуевой, которые в ходе диалектологических работ конца 30-х годов выделили в долине Варзоба (Таджикская ССР, к северу от Душанбе) говор "вилояти", принадлежащий одной из групп местного населения². Более подробные сведения о варзобских вилояти, основанные на результатах полевых исследований 1961–1963 гг., сообщает Р.Л.Неменова³. Согласно Р.Л.Неменовой, варзобские вилояти (примерно 3500 человек) населяют территорию сельсовета Чорбог Ленинского района Таджикской ССР, при этом название "вилояти" местные жители связывают со словом "вилоят", обозначающим, по их представлениям, равнинную, не горную, местность. В этом смысле группа вилояти и часто отождествляемая с нею группа сугуты противопоставляются (как равнинное население) группе варзоби (горцы). Жители кишлаков по верхнему и среднему течению Варзоба, а также прилегающих ущелий относят к вилояти население предгорий, начиная с кишлака Дахана и ниже, включая исконных жителей Душанбе и Гиссара (как историко-этнографической области)". Варзобские вилояти считают, что по происхождению они связаны с гиссарскими таджиками (хисорби), и относят себя к исконному местному населению. Вероятно, именно в этом смысле употребляют термин "вилояти" и переселенцы-кулябцы (кулоби), которые называют этим термином как собственно группу вилояти, так и соседнюю с ними группу исконного местного населения сугуты. Да и сами сугуты часто применяют по отношению к себе термин "вилояти".

С другой стороны, жители долинных кишлаков Гиссара, называющие свой говор кулябским (**кулови́**) и, вероятно, действительно связанные (во **всяком** случае, в какой-то своей части) по происхождению с Кулябом, называют терминами "**лавзи вулоят́**" ('говор **вилоят́**') или "**лавзи шахри́**" ('городской говор') отличный от своего говор горных кишлаков Гиссарского района⁴. Отсюда можно было бы заключить, что в основе термина "**вилоят́**" вряд ли лежит значение "жители равнины", ибо в обоих случаях на первый план выступает, как кажется, значение "местные жители", безотносительно к тому, живут они в горах или на равнине. Важно отметить в этой связи наблюдение Р.Л.Неменовой о том, что варзобские **вилоят́** применяют по отношению к себе также самоназвание "**чагатай**" (**чагато́й**) – термин, употребляемый в Варзобе⁵, как и в южных и западных районах Узбекистана⁶, для обозначения исконного (во всяком случае, додаштыкыпчакского) оседлого населения.

Группа населения, обозначаемая термином "**вилоят́**" (**вилат́**), засвидетельствована и в районах по течению Сурхандарьи, однако, насколько можно судить по имеющимся сведениям, термин этот понимается здесь по-иному. Как сообщает И.Хидоятлов, термином "**вилоят́**" (**вилат́**) обозначаются здесь (речь идет, по-видимому, о Сарыассийском районе Сурхандарьинской области Узбекской ССР) таджики – "пришельцы из разных мест равнин"⁷. Таджики **вилоят́** (по отношению к ним применяется также термин "**хисорри́**" 'гиссарцы') населяют здесь крупные кишлаки (Хуфар, Сина, Маланд, Сары-Ассия, Юрчи, Дехикаландар и др.) и противопоставляются таджикам **кухистони́** 'горцам', которые считают себя исконно местными жителями. Среди некоторой части таджиков **вилоят́** (например, в Хуфаре) "родовые деления были очень развиты", среди другой части (например, в Сина) родового деления не было⁸.

А.З.Розенфельд, наводившая по моей просьбе справки о значении термина "**вилоят́**" в селениях по Верхнему Зеравшану, любезно сообщила, что в этих селениях термин "**вилоят́**" употребляется (1971 г.) в значении "горожанин".

Если приведенные свидетельства достоверны, то сам факт употребления термина "**вилоят́**" в различных и даже противоположных значениях требует объяснения. Думаю, что это объяснение может заключаться в сложной семантической истории слова *vilāyat*. Арабское по происхождению, это слово вошло в языки Переднего Востока и Средней Азии с основным значением: '(управляемая) область, провинция, наместничество, губерния'. Дальнейшее развитие значения могло идти и шло различными путями. В одних случаях значение слова сужалось, как, например, в диалекте бухарских арабов, где *wilāba*, *wilāha* обозначает 'селение, кишлак' в противоположность степи (*ḥul*)⁹. В других случаях к основному значению присоединялись различные дополнительные, нередко далекие друг от друга и даже полярные значения. В современном персидском языке слово "*velāyāt*", "*vālayāt*" обозначает 'область, провинция, губерния' и производное от него *vālayātī* соответственно 'областной, провинциальный, местный, житель провинции, провинциал'¹⁰. В курдском (курманджи) к основному значению этого слова присоединяется значение 'родная страна, родина', и курд. *welāt* (*welātīn*, *hemwelāt*) обозначает соответственно 'земляк, соотечественник, соплеменник'¹¹. Это же значение отмечается для соответствующего по образованию тюркского слова «*wilāyetli*» 'земляк, соотечественник' (*Landsmann*)¹². В Индии и Афганистане слова «*vilāyat*», «*vilāyatī*» приобрели прямо противоположное дополнительное значение. По свидетельству компетентных лексикографов, слово «*vilāyat*», «*vāilāyat*» обозначает здесь 'чужая страна', 'заграница' (в частности, Европа, Англия, Китай, Иран) и соответственно «*vilāyatī*», «*vāilāyatī*» – 'чужеземный', 'чужестранец', 'пришелец', 'простака' и т.п. Отсюда употребление слова «*vilāyatī*» для обозначения различных чу-

жеземных по происхождению товаров, культурных растений и т.п. Ср., например, хинд. *vilāyatī-rānī* 'содовая (букв. чужеземная) вода' (Soda-Water), *vilāyatī-sem* 'фасоль' (the French bean, букв. 'чужеземные бобы'), *vilāyatī baṭṭān* 'томат', 'помидор' (*solanum lycopersicum*, букв. 'чужеземный баклажан'), афг. *vilāyatī obā* 'газированная (букв. чужеземная) вода' и т.д.¹³ В то же время средневековыми афганскими авторами термины «*vilāyat*», «*vilāyatī*» могли употребляться и в значении "Афганистан" ("родина"), соответственно "афганский" ("местный"). На два случая такого словоупотребления любезно обратил мое внимание В.В.Кушев: излагая события XVIII в., современный афганский автор А.Фуфульзай¹⁴ пишет:

سکھان بمجرد مشاهدۀ فوج ... افغانی براسپان خود... سوار گشتند

"Как только сикхи увидели афганское войско... /они/ вскочили на своих коней...". При этом к слову *افغانی* автор делает следующее примечание:

مورخان حسین شاهی و احمد فوج ولایتی یاد میکنند و مقصدشان افغانستان است

"Составители "Истории Хусайн-шахи" и "Истории Ахмада"¹⁵ называют /это войско/ *foṃj-i vilāyatī*, имея в виду Афганистан" (т.е. "афганское (Афганистана) войско")¹⁶. В уникальной, по-видимому, рукописи дивана афганского поэта Али-Акбара Оракзая (XVIII в.), хранящейся в Матенадаране (Матенадаран, 257), в касиде, повествующей о деяниях Надир-шаха Афшара, читаем:

ولایت نسی مسخر کرد اقبال به تیغ اکدر
چوئی مسخ به هند را واخیست برئی نه بنوده هیچ سر

"/Сначала/ он покорил преимущественно мечом счастья *vilāyat*, когда же он направился в Индию, то не оставил /там/ни одной /непокоренной/ головы". Контекст и приведенные выше данные не оставляют, как-будто, сомнений в том, что под словом «*vilāyat*» здесь следует понимать Афганистан ("родина").

В этом же значении ("родная земля", "земля отцов" в противоположность чужбине) могло употребляться слово «*vilāyat*» в персидско-таджикской классической литературе (во всяком случае, в сочинениях, создававшихся в Индии), где этим словом обозначались Иран и Мавераннахр. Отсюда производное «*vilāyatī*» - человек, родившийся в Иране или Мавераннахре и затем переехавший в Индию ("вилоятзод, он ки чои таваллудаш Эрон ва ё ки Мовароуннахр буда баъд ба Ҳиндустон омадааст" /дар истилоҳи ҳиндустониён/)¹⁷. Ср. также *vilāyatī-xat* - персидская (иранская) разновидность почерка насталик¹⁸. Словарь Ягелло, составлявшийся в начале нашего века в Средней Азии и обычно довольно точно передающий специфичное для Средней Азии словоупотребление, отмечает под интересующим нас словом оба дополнительных значения: 1) 'родина' и 2) 'Европа, Англия, Персия', при этом второе значение приводится с пометой "в Индии"¹⁹. Указанное значение может быть отмечено, однако, не только в Индии, но и в Афганистане (см. выше), и в Средней Азии (во всяком случае, в Туркмении и в южных районах Таджикистана). По сообщению ботаников П.Баранова и И.Райковой, появившаяся в Дарвазе и долине Ванджа (Южный Таджикистан) лишь в 20-е годы нашего века культура помидора называлась в Рохарве (долина Ванджа) "мурч-и вилайети" - букв. 'чужеземный перец'²⁰. Ср. также туркм. *wilajät* 'государство' (в частности, Персия)²¹. В то же время современный толковый словарь туркменского языка дает в качестве первого значения слова "вела-ет" (слово приводится с пометой "устаревшее"): "Местности, удаленные от центра страны" (Юрдун меркезинден уаакдакы яшалян ерлер, территория)²².

Из приведенного материала ясно, что различные и даже противоположные значения слова «*vilāyatī*» ("провинциал", с одной стороны, и "горожа-

нин" – с другой) объясняются часто смешением позиции, точки зрения: если для столичного жителя vilāyat – это "область, провинция, периферия, глупинка", то для жителя отдаленного горного селения vilāyat – это, наоборот, областной или иной административный, экономический и культурный центр (ср., например, в современном таджикском диалектном словоупотреблении: man gayon-ba meram "Я поеду в район", т.е. в районный центр).

Не исключено, что в наименованиях некоторых конкретных групп населения, обозначаемых этим термином, отражается (прямо или косвенно) и одно из значений слова «vilāyat», отмеченных, например, Ценкером: «Weiāyet...

2) = *У, патронаж, отношения защиты между господином и вольноотпущенником" (Schutzverhältniss zwischen dem Herrn u. seinem Freigelassenen)²³.

Ср. в хиндустани: "walāyat, or wilāyat... опека, опекунство" (guardian – ship)²⁴.

Вопрос о происхождении различных групп населения, обозначаемых терминами «vilāyat», «vilāyatī», «vilāyatīlī», достаточно сложен и в отношении различных групп ответ был бы, вероятно, не однозначным²⁵. Не может помочь в решении этого вопроса и обращение к семантике слова: как ясно из вышесказанного, семантический диапазон этого слова слишком широк, чтобы способствовать уяснению конкретного его значения в каждом частном случае. Понятно поэтому, что выяснение терминологического значения данного слова применительно к различным группам населения может быть достигнуто – в каждом данном случае – только путем анализа конкретных источников, относящихся к данному времени и данному месту или же конкретных этнолингвистических материалов. Задача этой краткой заметки заключалась в том, чтобы обратить внимание на возможность сочетания обоих этих взаимодополняющих путей исследования.

Дополнение

Уже после сдачи настоящей заметки в Издательство вышла в свет статья Б.Х.Кармышевой, посвященная этнографическому анализу термина "вилаят" и содержащая много интересных сведений об употреблении этого термина в различных районах Средней Азии. (см.: Б. Х. Кармышева, Таджикско-узбекский народный географический термин *вилаят*, – в кн.: "Этнография имен", М., 1971, стр. 212–217).

Примечания

¹ См.: "Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968", М., 1970 (далее – ППВ, 1968), стр. 32–39.

² См.: В. С. Соколова, Фонетика таджикского языка, М.-Л., 1949, стр. 105–107 (с картой, отражающей, в частности, распространение говора "вилотти"); В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии, вып. 1. Варзобский говор таджикского языка, М., 1952, стр. 21–22.

³ См.: Р. Л. Немецова, Таджики Варзоба (отчет о поездке в 1961 г.), – ИАН ТаджССР, ООН, 1963, №1 (32), стр. 68–69; е е ж е, Сложение таджикского населения Варзоба, – СЭ, 1969, №5, стр. 31–44 (с картой расселения *вилотти* и других групп местного населения).

⁴ См.: Л. В. Успенская, Говоры таджиков Гиссарского района, Душанбе, 1962, стр. 5. Сочетание *лавази шахри* не следует, конечно, понимать в буквальном значении ("городской говор"). Скорее оно обозначает здесь "говор (данной) местности". Тадж. "шахр", помимо литературного своего значения ("город"), имеет в диалектном словоупотреблении и более широкое значение – "местность", "область" (не в административном смысле, разумеется) и т.п. Отсюда тадж. обл. *хамшахри* земляк, человек из моей местности (отнюдь не обязательно из моего города). Возможно, в этом композите пережиточно сохраняется древнейшее значение слова "шахр" (др.-перс. *xšātra* – страна).

⁵ См.: Р. Л. Неменова, Сложение таджикского населения Варзоба, стр. 36.

⁶ См.: Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, - КСИЭ, XXVII, М., 1957, стр. 17.

⁷ И. Хидоятов, К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана, - в кн.: "Из истории культуры народов Узбекистана", Ташкент, 1965, стр. 131 (в пагинации сборника ошибочно: 113 - И.О.).

⁸ Там же, стр. 132.

⁹ См.: И. Н. Винников, Словарь диалекта бухарских арабов, М.-Л., 1962 (ПС, 10/73/).

¹⁰ "Персидско-русский словарь". Под ред. Ю.А.Рубинчика, Т. 1-2; М., 1970, s.v.

¹¹ См.: К. К. Курдоев, Курдско-русский словарь, М., 1960, s.v.:

Taufiq Wahby, C.J. Edmonds, A Kurdish-English Dictionary, Oxford, 1966, s.v. wujat.

¹² См., например: J.Th. Zenker, Dictionnaire Turc-Arabe-Persan, t. I, Leipzig, 1866, s.v.:

А. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, s.v. ولايت; В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IУ, СПб., 1911, s.v.

¹³ См.: J.T. Platts, A Dictionary of Urdū, Classical Hindī, and English, Fifth Impression, Oxford, 1930, s.v.; F. Johnson, A Dictionary Persian, Arabic, and English, London, 1852, s.v.:

М. Г. Асланов, Афганско-русский словарь (пушту), М., 1966, s.v.

¹⁴ عزیز الدین وکیل فوئلزائی تیمورشاہ درانی، جلد اول، طبع دوم، کابل، ۱۳۲۱ م.

¹⁵ Первое из этих сочинений было закончено в 1797-93 г., второе - в 1815 г.

¹⁶ Отметим, что и в Индии слово «vilāyatī» может обозначать 'афганец', 'уроженец Афганистана'. См.: J.T. Platts, A Dictionary..., s.v.

¹⁷ "Фарханги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX)", I, М., 1969, s.v. **вилоят**, **вилоятзо** (с подтвердительными цитатами из "Хизонаи омира" /XУIII в./). В персидско-таджикских толковых словарях (фархангах), составившихся в Индии (например, в «Bahār-i 'Ālam», XУIII в.), нередко встречается противопоставление: vilāyat 'Иран и (или) Мавераннахр' - Hindustān 'Индия'. См.: В. А. Каприанов, Некоторые особенности бытования языка фарси в Индии, - ИАН ТаджССР, ООН, 1971, №3 (65), стр. 80; е го ж е, Фарсиязычная (таджикско-персидская) лексикография в Индии XУI-XIX вв. (Основные толковые словари), Душанбе, 1973, автореф. докт. дисс., стр. 36. (корректируемое прим. 1974 г.).

¹⁸ См.: F. Johnson, A Dictionary..., s.v.; J.T. Platts, A Dictionary..., s.v.

¹⁹ И. Ягелло, Полный персидско-арабско-русский словарь, Ташкент, 1910, s.v.

²⁰ П. Баранов и И. Райкова, Дарваз и его культурная растительность, Ташкент, 1928, стр. 60 (любезно указано Н.А.Кисляковым). Ср. выше.

²¹ В. В. Радлов, Опыт словаря..., т. IУ, СПб., 1911, s.v.

²² "Словарь туркменского языка". Под общей редакцией члена-корр. АН Туркменской ССР М.Я.Хамзаева, Ашхабад, 1962, s.v.

²³ J. Th. Zenker, Dictionnaire Turc-Arabe-Persan, s.v.

²⁴ J.T. Platts, A Dictionary... s.v. По-видимому, многие словари, в том числе и цитированные выше, отражают контаминацию двух однокоренных (но с различной огласовкой первого согласного) арабских слов. Ср. в современном арабском: **وَلَايَةٌ** 'опекунство, опека' и **وَلَايَةٌ** '1) управление (чем.-л.); 2) вилайет, область, провинция...' (см. Х. К. Баранов, Арабско-русский словарь, М., 1957, s.v.). Ср. в этой связи указание на то, что некоторые жители Хорезма различают слова "**вилаят**" 'область, провинция' и "**валаат**" 'местное (население)' (ППВ, 1968, стр. 39, прим. 14).

²⁵ В отношении варзобских **вилоятӣ** В.С.Расторгуева отмечала, что происхождение их неизвестно (В. С. Р а с т о р г у е в а, Очерки..., стр. 22). Р.Л.Неменовой высказано в отношении этой группы предположение, что под термином "**вилоятӣ**" фактически скрываются таджики-чагатаи, точнее - таджикоязычные чагатаи (Р. Л. Неменова, Сложение таджикского населения Варзоба, - СЭ, 1969, №5, стр. 37).